

Сергей Доренко:

Бардак в России от безответственности царя

Сергей Доренко не нуждается в представлении даже сегодня, когда он вот уж три года как исчез с телевизионных экранов — и, судя по всему, в ближайшие года четыре не появится на них, кроме как в качестве эксперта на несколько минут. Впрочем, пути Доренко непредсказуемы, да и русская история балует нас изумительными поворотами.

Биография его известна — он ее подробно описал на сайте www.dorenko.tv. Окончил Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Работал в Анголе. В телевизионной журналистике — с середины восьмидесятых. Делал с Николаем Сванидзе программу «Подробности». Рассорились. Был любимым телеведущим Раисы

Максимовны Горбачевой — говорят, она его считала эталоном мужской красоты. Вел несколько телепрограмм, по большей части аналитических, из которых наибольшую известность получили «Версии», основанные на разобла-

чении кремлевских тайн. Наибольшую славу стяжал разгромом блока «Отечество — Вся Россия» (или, как он ее прозвал, «Отечество минус вся Россия»). Довел Юрия Лужкова до нескольких судов (которые проиграл) и катастрофического падения рейтинга. «Программа Сергея Доренко» стала символом ангажированной журналистики. Решением Большого жюри был исключен из Союза журналистов, в котором не состоял.

Осенью 2003 года Сергей Доренко вступил в КПРФ — членом КПСС он был с 1988 года.

Он давно не дает интервью в традиционном смысле слова. Ему присылаешь вопросы, он отвечает подробно и темпераментно — как когда-то во время своей программы. Выборы прошли. Теперь можно.

«Впрочем, и на манту плавать»

— Какими своими делами за это время вы гордитесь больше всего? Грубо говоря, что у вас получилось по-настоящему?

— Была такая китайская присказка об ученике-монахе, который от своего учителя пошел к некоему авторитетному даосу за знаниями. Он спросил даоса: «Что ты умеешь?» Тот пожелал узнать, а что такого особенного умеет учитель этого молодого человека. «Мой учитель, — сказал молодой монах, — передвигает взглядом предметы на другом краю пропасти». «А я, — сказал даос, — когда хочу пить — пью, а когда хочу есть — ем».

Это притча о степени свободы. Гордость за те или иные дела, желание доказать что-то себе и людям, желание соответствовать — якоря, тянущие нас на дно. Когда выйдет это интервью, я буду далеко — заниматься дайвингом: погружаться в воды Индийского океана, чтобы увидеть огромную манту. Или не увидеть. Собственно, на манту мне плавать, если честно. Загляну в себя в подводной тишине. Впрочем, и это чепуха. Не надо придумывать значимость простых событий. Надеюсь, что не узнаю о результатах выборов до 19 декабря. Улетаю 7-го.

Народ хочет, чтобы папа навел порядок. Власть отзывчивая у нас — так и делает.

— Но проголосовать-то успеете?

— Конечно. Но я вообще не стремлюсь к результатам как таковым. Результатам чего бы то ни было. Результат жизни — смерть, как вам, должно быть, известно. Мне процесс нравится больше результата.

И вот — я жил и делал все, что мне взбредит, все предыдущие годы. Никогда себя не заставлял, ни в чем себе не отказывал. Повиновался малейшим своим позывам, хотел — дрался, хотел — уходил в панцирь.

— Сейчас все наперебой подводят итоги очередной российской оттепели, продлившейся на этот раз почти 20 лет. Это пока рекорд. С каким чувством вы вспоминаете это время и что это было для России — зигзаг на ее обычном пути или прорыв к нормальной жизни?

— Это был очередной upgrade. И очередное подтверждение того, что в России народ не способен к зрелой общественной жизни. Нет нации. Нет национальной идеи. Нет национального самосознания. Категорически низка культура любой совместной солидарной деятельности. Каждый период открытости и свободы приводит к тому, что сильные и смелые идут по головам остальных.

Результат — требование низов к высшей власти закрутить гайки, оградить остав-

шихся в живых от хищников-мародеров. Народ хочет, чтобы папа навел порядок. Власть отзывчивая у нас — так и делает. Начинается стагнация, подавление инакомыслия, народ счастлив — его заставляют мыть руки перед едой и читают сказку на ночь. Жизнь снова предсказуема, мародеры в тюрьме. Гибельный прогресс временно обуздан. Неконкурентная среда во власти и в экономике постепенно ведет к новой перестройке. И так далее.

Если попробовать отстраниться от интересов прогрессивной журналистики, то окончание оттепели и есть возвращение к нормальной жизни. Брошенные, забытые, ничьи дети снова нашли отца. Что же тут плохого?

«Трудно быть слабее Путина»

— Вы называете Россию аристократической страной, страной тотального неравенства. Может быть, именно поэтому она и мечется из диктатуры в бардак? Или есть другая причина, диктующая эту предопределенность?

— Неравенство в России усугубляется снизу как требование народа. Гоголевские крестьяне современности хотят, чтобы ими управляли социально ответственные руководители, а без руководителей они впадут в искушение и пропьют всё, или сожгут, или еще чего хуже. Руководители же нашего народа должны снизойти сверху — «одного из нас» мы не приемлем. Даже Пугачев был у нас царем и возвращал себе царство. Поэтому дружно ненавидимый всеми царь Ельцин назначил нам своего наследника, и мы его признали. А пришел бы он незнано откуда, мы бы прогнали его, как замухрышку и выскочку.

Но не надо корить за это русских. Все нации в мире ведут себя в массе как дети. Смотрите: русские ведут себя как семилетние дети. А соль от соли земли, какими они себя считают, калифорнийцы — сколько им лет было в день избрания «терминатора»? А европейцы, усталые двенадцатилетние старики, полагающие себя взрослыми на том основании, что научились курить и мастурбировать? Не живут ли они самыми нелепыми мифами и штампами?

— Хорошо. В чем же тогда наша особенность?

— Отличие этих наций-подростков от русских только в том, что у них уже есть воля. Национальная воля. Есть способность к самоорганизации. А русские живут волей отца. Они — уже буржуазные нации, а мы — феодальный народ. Это пороговое отличие. При этом недопустимо глупо было бы за это презирать свой народ и заламывать себе руки по поводу его несовершенства. И любить другие народы еще глупее. Так делают только нелепые идеалисты-шестидесятники и их идейные наследники.

— Царь мог бы быть из коммунистов. А теперь держитесь за стул: он мог бы быть из «Яблока» и даже из СПС

Бардак в России от безответственности царя

Окончание. Начало на стр. 14.

Бардак в России наступает как раз от нежелания спуститься на землю наших робких интеллигентов-революционеров и от безответственности очередного царя, бросающего детей на волю судьбы.

— Не кажется ли вам, что Путин столкнулся с ситуацией, которая сильнее его? Он просто хотел слегка подморозить, а страна с готовностью отстроилась под диктатуру. Возможно, поэтому он и нервничает, что от него уже ничего не зависит?

— Путину мудрено было бы найти ситуацию, которая слабее его. Путин заигрывал и с левыми консерваторами, и с генералами, и со спецслужбами. Заигрывал не в качестве лидера, а именно от слабости, от желания нравиться. Каждый из слоев, получив авансы от нашего президента, навязывает теперь ему свое продолжение истории — новые поступки. И логика развития такова, что ему придется рано или поздно посадить папу-Ельцина в тюрьму и бежать впереди паровоза, которым управляет «группа патриотически мыслящих офицеров». Помните такую формулировку? Главная его ошибка — что он создал бизнес-корпорации силовиков, не став их лидером, их арбитром и

карателем. В Латинской Америке такое развитие событий сплошь и рядом приводило к воцарению очередной хунты.

С другой стороны, если движение к жесткому государственничеству неизбежно, то что нам жалеть о Путине, которого с высокой вероятностью съедят его же генералы? Если он сам не превратится в одного из них.

Стране нужен царь, национальный лидер, защищающий национальные интересы, а не интересы какого-то там рынка и прогресса человечества и прочую ахинею. Царь этот должен вернуть людям социально ответственное государство. В котором нет унижения за слабость, за старость и так далее. Такой царь мог бы быть из коммунистов. А теперь держитесь за стул: он мог бы быть из «Яблока» и даже из СПС. Я имею в виду не персоналии, а идеологии. Это могла бы быть левоконсервативная или либеральная империя. Главное — социально ответственная империя. Я с Чубайсом много об этом говорил — и радостно удивился, когда услышал от него такие слова. О либеральной империи.

«Зюганов абсолютно адекватен»

— По каким приметам вы отслеживаете перемены в моральном и психологическом климате в стра-

не? Как изменился сам Путин, на ваш взгляд? Растет он или деградирует?

— Путин теперь, когда база его власти сужается, наконец-то избавился от комплекса самозванца. Это довольно противоречиво. Теперь у него гораздо более шаткое положение, а он чувствует себя все увереннее, покрикивает на западных журналистов, на правительство и так далее. Я думаю, именно комплексом Лжедмитрия объяснялось все эти годы его желание всем понравиться. Ежедневная борьба за глобальный и ситуационный рейтинг.

— А что такое, на ваш взгляд, Зюганов? Каким он будет в качестве лидера оппозиции — и не нужен ли КПРФ новый лидер? Например, вы?

— Зюганов монументален и абсолютно адекватен своему месту. Ощущение, что ему чего-то недостает, вызвано тем, что рядом с ним нет представителей среднего поколения и молодежи. Ярких представителей. Все больше нудные какие-то персонажи.

А я в качестве лидера... За чем?! Я не люблю быть вождем масс. Я — одиночка. В качестве такового и буду помогать общему делу.

— А был, между прочим, слух, что Березовский вас нарочно заслал в КПРФ. Для захвата власти.

— О Березовском — политике чрезвычайно одаренном, может быть, наиболее талантливым в российской истории последнего времени — слухов всегда была и будет тьма. Сам он в апреле двухтысячного года мне рассказывал — передаю с его слов, за что купил, за то и продаю: «Я предложил Путину: Володя, давай ты создашь партию власти, а я партию оппозиции». Я тогда же ему сказал: «Борис, что с тобой?! Ты уже не перед Володией стоял. Ты стоял перед троном российской империи. И этому трону предлагал: «Знаешь что, давай ты создашь партию власти! А я буду оппозицией!» Ты должен радоваться, что до дома целым доехал после этого интересного предложения... Но с другой стороны, когда Борис на больничной койке, в желтухе, под капельницей сказал, что создаст партию власти, назовет ее «Медведь» и эта партия победит, — я ведь тоже спросил: «Сестру позвать?»

— Возвращение Березовского в политику — было бы это благом для страны? И для вас лично в том числе?

— Добавило бы живости уж точно. О благе страны я не стал бы рассуждать. Страна исполняет предначертанное, и в этом благо. А для меня лично ничего бы не прибавилось и не убавилось. Мы общаемся время от времени.



Доренко — лидер политнаездов

фото Виктора Горячева

О заветном

— Напоследок, когда Лужков уже наверняка триумфально переизбран (номер выходит из печати 8 декабря), можно ли представить, что он когда-то уступит это место? Или будет мэром пожизненно?

— Лужков — фигура трагическая, страшно одинокая посреди океана лести и восхвалений. Поступки его вынужденные. И когда не любимый им Ельцин танцевал с ним на Васильевском спуске под крики Лужкова: «Россия, Ельцин, Свобода!» И когда не любимому им Путину он кричит: «Вместе с президентом Путиным — победим!»

Уйти от власти он не может. Это человек на велосипеде, ноги которого привязаны к педалям. Он крутит педали, потому что иначе упадет. Империя рухнет, и сподвижники сдадут папу. Уже дело пахнет керосином. Уже банкир Лебедев спрашивает, где денежки. Если, по Лебедеву, расходная часть бюджета Москвы — 10 миллиардов долларов в год, а дорог за четыре года построено на 8 миллиардов, то где же еще 32?

— А разве Лебедев — не собственно лужковский ставленник? Для придания интриги.

— Имя Лебедева связывают со спецслужбами бывшими и нынешними. Так что примерно понятен текст первой страницы допроса, если силовики возьмут власть.

Личное дело

— Вы долго состоите в браке...

— Да уже 24 года почти.

— Как добиться такой стабильности?

— Не надо выстраивать отношения в семье по типу отношений в обществе. Отношения в

российском обществе (и в политике) — садомазохистская конструкция. Наполучав по башке на работе, человек самоутверждается победами в семье — гноит близких, требует к себе особенного отношения и уважения. А в семье лучше поспокойнее относиться к собственной непреходящей значимости. Побольше самоиронии. И не злиться ни на кого дольше, чем десять секунд.

— Эмиграция для вас возможна — или это крайний случай, только по необходимости?

— Я уже 14 лет об этом думаю. Я не хочу. Очень не хочу. Это трагедия образованных людей в России со времен Петра. Мы чужие там, и мы не адекватны своему народу. Чего-то не хватает. Какую-то перемишу забыли нам впасть. Мы — такая странная разновидность «Постороннего» Камю. Посторонние везде. Или это плохой пример?

— Каковы ваши последние наиболее яркие впечатления в кино, на телевидении, в музыке — в любом виде искусства? Какая музыка вас заводит?

— Последний год я слушаю молитвы. На дисках. Это православные, буддистские молитвы и суры из Корана. Мошь молитвы несопоставима с другими жанрами, насколько я смог убедиться. Телевидение портит вкус, и я избегаю этого зрелища уже несколько десятилетий. Кино — сплошь миленькие, даже и небезынтересные поделки. Живопись, фотография — только портреты. Очень люблю портреты. И сам снимаю на свою «лейку».

■ Дмитрий Быков.

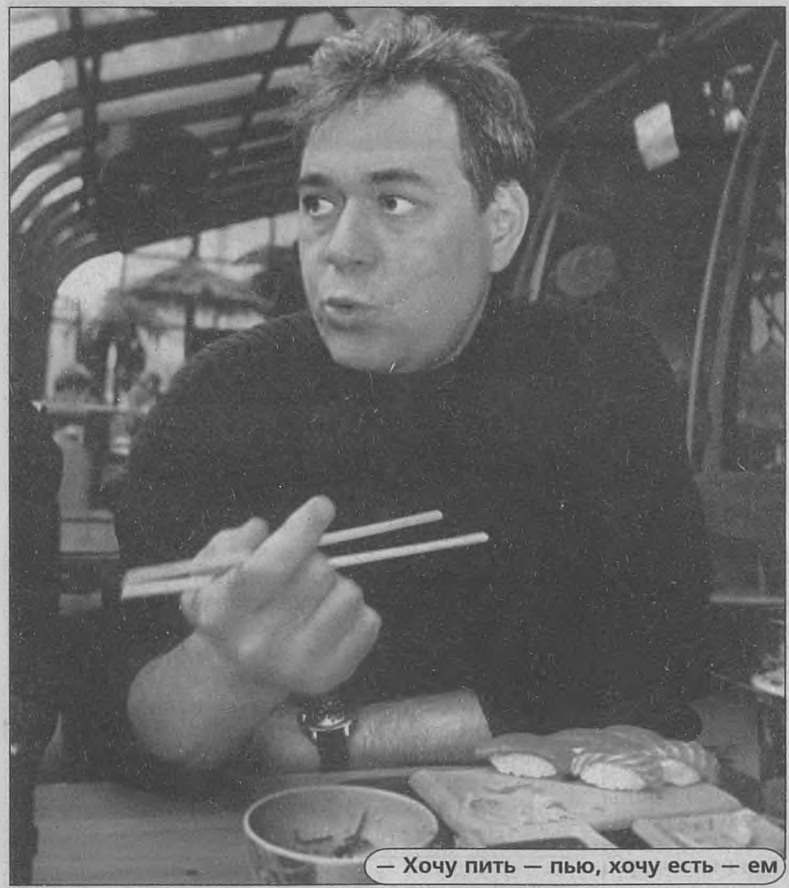


фото Максима Бурлака

— Хочу пить — пью, хочу есть — ем